

УДК 94(=512.19)+94(560)

Эмиров Р. С.

КРЫМСКОЕ ХАНСТВО И ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ: К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

В статті представлені результати дослідження особливостей зовнішньополітичної взаємодії Кримського ханства і Османської імперії в XV–XVII ст., специфіка взаємин яких полягала в тому, що Кримське ханство потрапило в залежність від Туреччини і було зобов'язане узгоджувати свою зовнішню політику з політикою Оттоманської Порти, прагнучи при цьому до своєї незалежності.

Ключові слова: Кримське ханство, імперія Османа, султан, калга.

В статье представлены результаты исследования особенностей внешнеполитического взаимодействия Крымского ханства и Османской империи в XV–XVII вв., специфика взаимоотношений которых заключалась в том, что Крымское ханство попало в зависимость от Турции и было обязано согласовывать свою внешнюю политику с политикой Оттоманской Порты, стремясь при этом к своей независимости.

Ключевые слова: Крымское ханство, Османская империя, султан, калга.

In the article are presented results of research of features of foreign-policy cooperation of the Crimean Khanate and Ottoman Empire in XV–XVIIth century, the specific of mutual relations of which consisted in that the Crimean Khanate got in dependence on Turkey and was under an obligation to coordinate the foreign policy with a policy Ottoman Ports, aspiring here to the independence.

Key words: the Crimean Khanate, Osmanic Empire, sultan, kalga.

Постановка проблеми. В отечественной и зарубежной исторической науке имеется большое количество трудов, посвященных политической, социальной, экономической и культурной истории Крымского ханства и Османской империи. Однако основная масса работ посвящена общим аспектам истории Крымского ханства, или труды освещают более ранние периоды истории Крымского полуострова (греческий и итальянский). Присутствие османов в Крыму, хотя и упоминалось историками, но почти всегда только вскользь и очень кратко. Это связано с несколькими причинами. Во-первых, в силу поли-

тических и идеологических подходов к данному вопросу в советской исторической науке исследование этого аспекта истории Крыма не проводилось, и взаимоотношения Крымского ханства и Османской империи в специальную тему не выделялись. Во-вторых, изучение отдельных этапов и проблем истории взаимодействия Крымского ханства и Османской империи затруднено тем, что значительная часть источников сохранилась на староосманском, крымско-татарском, арабском и персидском языках.

В настоящее время, в силу новых исторических реалий, назрела острая необходимость за-

ново оценить и проанализировать комплекс источников по истории взаимодействия Крымского ханства и Османской империи.

Цель данной работы – проанализировать научную литературу, посвященную особенностям внешнеполитических контактов Крымского ханства и Османской империи XV–XVII вв., для более объективного и полного освещения предшествующих этапов изучения данной проблемы.

Изложение основного материала. На протяжении последних двух веков многие известные ученые занимались крымской проблематикой. В частности, вопросы внешней политики Крымского ханства исследовались в работах Н. А. Смирнова [1], И. Б. Грекова [2]. Попытку суммировать накопленный материал по внутренней и внешней истории Крыма сделал в своей книге Л. А. Якобсон [3].

Среди исследований конца XX – начала XXI веков заслуживает внимания исторический очерк краеведа Е. Катюшина [4], в котором подробно исследованы многие вопросы: завоевание Крыма османами; описаны быт, хозяйство, традиции, культурная жизнь, архитектура города; приводятся данные о количестве и конфессиональном составе населения; описано экономическое положение города.

Крымское ханство, по справедливому выражению профессора В. Д. Смирнова, никогда не жило вполне самостоятельной жизнью, которая была бы выражением одних коренных черт национального характера господствующего населения Крыма. Сначала Крым зависел от Золотой Орды и управлялся наместниками золотоордынских ханов, потом сделался вассальным государством Турции. Влияние Турции сильно сказывалось на внутреннем, домашнем быту, строе внутренних учреждений, религии, языке, литературе, искусстве и вкусе, хотя здесь, конечно, проявлялись в некоторой степени и национальные черты [5].

Вокруг Османской империи в XV–XVII вв. сложилось немало государственных образований-данников, приносивших казне основной доход, но сохранявших в большей или меньшей мере самостоятельность во внутренней политике и управлении. Крымское ханство стало одним из таких буферных государств на границе с христианским миром. «Несовершенство» феодальных поземельных отношений в сочетании с развитой, хотя и разобщенной прослойкой феодалов, не слившихся в единый класс, характеризует социальную структуру Крымского ханства. Феодалы по большей части пользовались доходами не со своих земель, а крестьяне не были зависимы от них экономически [6]. Таким образом, находившиеся в стадии формирования классовые отно-

шения долгое время сочетались с бесклассовыми – явление нередкое на Востоке, но не в Европе [7].

Характерным было и присутствие внешних черт деспотического режима – к хану сходились все нити управления страной и подданными; ему подчинялась высшая духовная власть, вся мусульманская община; он не нес ответственности перед соплеменниками за свои деяния. И все же это не была деспотия, так как ханская власть ограничивалась сословными учреждениями, основным из которых был диван. Сословия могли оказывать влияние на хана и помимо дивана, и даже вопреки решениям совета [8]. Более того, крымские феодалы могли, невзирая на волю Турции, сменять и назначать ханов. Бывали случаи, когда хана избирали, не дожидаясь султанского утверждения кандидата, а поднимая его, по ордынскому еще обычаю, на войлочной кошме. И наоборот, беи свергали и даже убивали ханов – только в XVI веке это случалось в 1523, 1524 и 1584 гг. Таким образом, нередко и утвержденный турками хан являлся на деле ставленником крымской аристократии, во всем ей послушным. Хан мог карать своих подданных жестоко, не делая различий между сословиями, но в отличие от султана лишь тогда, когда чувствовал свою безнаказанность, и не опасался мести со стороны рода казненного [9]. В связи с этим Крымское ханство являло собой переходную государственную форму, нечто среднее между деспотией типа турецкой, с одной стороны, и развитой абсолютной, но уже ограниченной монархией Западной Европы, – с другой.

Придя в Крым, османы завладели его юго-восточной береговой и предгорной частью – от Инкермана до Кафы. Получив таким образом в свое владение важнейшие прибрежные стратегические опорные пункты, султан не мог силой даже небольших янычарских гарнизонов контролировать всю военно-политическую обстановку в ханстве [10]. Менгли-Гирай подчинился султану добровольно, на условиях, которые были оговорены им с Мухаммедом II. Возможно, здесь был заключен формальный договор о вассалитете Крыма, что отражалось в праве наследования престола [11]. В своей крымской форме этот ордынский кодекс предполагал избрание нового хана строго по старшинству. Обычно таким кандидатом становился не сын, а брат прежнего хана. Турки нередко выдвигали на этот пост кого-нибудь из ханских сыновей. Они постоянно держали у себя в Стамбуле одного или даже нескольких из них под предлогом получения образования и вообще воспитания при дворе наместника Аллаха [12].

Следует отметить, что крымчане не воспринимали внедрение законов шариата безропотно.

И если турки, понимая опасность национального единения татар в заморской провинции, всячески ему препятствовали, то татары с не меньшим упорством этому сопротивлялись. И даже если на бахчисарайском троне оказывался послушный Порте хан, безропотно обещавший ей любую поддержку, то взамен он просил разрешения сохранить освященный временем и традицией закон терэ, порядок выбора хана, калги и нуредина. Каждый новый хан, прибывая от султана с атрибутами власти, ступал на крымскую землю в строго определенном месте, в Гезлеве, где уже в середине XV в. высилась соборная мечеть, занимавшая особое место среди мусульманских святынь [10].

Ханами предпринимались попытки укрепления трона, в связи с этим хан Менгли-Гирай учредил сан и должность калги – нововведение, не имеющее ничего общего с исламской идеологией и сохранившееся после его смерти. Теперь путь к вмешательству Стамбула в дела крымского престолонаследия был закрыт, так как хан сам мог назначить себе преемника. Однако при наследниках великого хана, как правило, уступавших ему в уме и дальновидности, институт преемничества стал использоваться с диаметрально противоположной целью. Султаны неоднократно назначали и калгу, и даже нуредина по своей воле, отчего признавший этот выбор хан расписывался в отказе от собственной линии во внешней и внутренней политике – в противном случае его смещение Стамбулом становилось делом чистой техники [5].

Как видно, «избрание» хана беями стало теперь простой формальностью. Но и она была отменена чуть позже, в 1584 г., когда султану было достаточно прислать из-за моря одному из беев ханские аксессуары, а также указ, как правящий хан безропотно уступал место избраннику Порты и готовился в дальний путь. Чаще всего – на остров Родос, обычное место ссылки опальных вассалов султана [13].

Политика утверждения хана турками привела к тому, что у власти не было хана, пользующегося единодушной поддержкой татар и популярного среди крымчан. Ханы признавали верховенство султанов, давая им при вступлении на престол клятву сражаться в любой войне на стороне Турции. Султаны своевольно избирали на крымский престол послушных им ханов [14]. Хан был совершенно беззащитен – его охранял в мирное время лишь отряд янычар, пользовавшихся правами экстерриториальности. Бейская же оппозиция имела постоянную гвардию. У беев было даже традиционное место сбора для выступлений против ханов – Ак-Кая, близ Карасубазара [15].

Подобное положение ханов прекрасно понимали подданные, что подрывало авторитет и власть их ханов [16]. Более того, подобная ситуация эхом откликалась во всех без исключения сферах жизни крымчан, лишала их надежды на стабильность не только политическую, но и социально-экономическую. В итоге социально-экономический прогресс деформировался.

Наряду с рассмотренными работами ряда авторов о несамостоятельности Крымского ханства, находящегося под протекцией Османской империи, в решении внутренних и внешнеполитических вопросов, следует обратить внимание на научные исследования известных тюркологов-востоковедов. Большую ценность в вопросах внешней политики Крымского ханства и его взаимоотношений с Османской империей представляют труды В. А. Вишневого [17], С. В. Бахрушина [14], В. Д. Смирнова [5] и других, которые отмечают, что между Крымским ханством и Турецкой империей устанавливается система сложных двусторонних отношений. В разные исторические периоды они варьируются от протектората Стамбула над Бахчисараем через равные союзнические отношения до полной независимой политики Крыма [18].

В связи с этим, особого внимания заслуживает период правления талантливого государственного деятеля в истории Крымского ханства Менгли I Герая, заслугой которого стало использование турецкого фактора для усиления ханства и роста его международного авторитета. Вернувшись в Кырк-Ер, Менгли Герай постепенно упрочил свои позиции путем проведения активной внешней политики, направленной на борьбу с Большой Ордой для утверждения и укрепления Крымского ханства. Хан подчинил Буджакскую Орду, совершив несколько походов в Черкессию, а в 1480 г. заключил договор с московским князем Иваном III против хана Большой Орды Шах-Ахмеда и польского короля Казимира. В результате польско-турецкой войны, начавшейся в 1484 г., союзники захватили порт-крепость Килию в устье Дуная, а 4 августа в устье Днепра был взят Аккерман, что позволило Османской империи и Крымскому ханству овладеть всем черноморским побережьем от устья Дуная до устья Днепра. 28 июня 1502 г. Менгли I Гирай разгромил Большую Орду, взял часть улуса – людей и скот. Закончилась полувековая борьба между Крымским ханством и Большой ордой. За Крымским ханством закрепилась территория и население кочевий Орды между реками Днестром, Днепром и Доном, а также Тамань и Кабарда, что позволило Крымскому ханству стать полноправным субъектом международных отношений Восточной Европы [19].

В начале XVI века в Крыму произошли четыре важные перемены в его внешне- и внутриполитическом положении.

Во-первых, усиление позиции Турции в 1520 году положило начало проникновению в обычную жизнь, в быт крымчан турецких обычаев. Особенно сильно сказалось это на дворцовых традициях.

Во-вторых, ослабление старых бейских и мурзинских родов, особенно заметное на примере Ширинов, открыло дорогу новым родам, в числе которых были и такие крупные, как Мангиты-Мансуры. С одной стороны, несколько уменьшается официальное влияние и остальных старых родов, но с другой – увеличивается их реальное значение во внутренней политике.

Далее, ослабление Крымского ханства в 1520-х годах открыло заперекопские степи, в междуречье Днепра и Дона, для ногайских орд. Их и ранее вытесняли со старых кочевий, от Волги, но усиление там русских, еще до установления Иваном Грозным в 1554 г. протектората над Астраханью, ускорило этот процесс. В Крым ногаи почти не проникли, но они сделали невозможным расселение крымчан за Перекопом – Крым «закрылся».

Другое дело, что часть степных татар, по-прежнему кочевая, достигала иногда Волги, Урала, Кубани и Дона, но при Сеадете и его преемнике Сагиб-Гирее происходит решительный переход к оседлости даже наиболее консервативной части уцелевших степняков Крыма, причем не без нажима сверху, со стороны ханов. Это и была четвертая из упомянутых метаморфоз начала XVI в.

Таким образом, специфика взаимоотношений Османской империи и Крымского ханства, сложившаяся в XV–XVII вв., заключалась в том, что, несмотря на то, что Крымское ханство находилось под протекцией Османской империи, оно было вполне самостоятельным государством и стремилось проводить свою независимую внутреннюю и внешнюю политику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI–XVII вв. / Н. А. Смирнов. – М. : Наука, 1946. – Т. 1. – 456 с.
2. Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы / И. Б. Греков. – М. : Наука, 1963. – 235 с.
3. Яacobсон А. Л. Средневековый Крым: очерки истории материальной культуры / А. Л. Яacobсон. – М. ; Л. : Наука, 1964. – 137 с.
4. Катюшин Е. Феодосия, Каффа, Кефе / Е. Катюшин. – Феодосия, 1998. – 143 с.
5. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII в. / В. Д. Смирнов. – СПб., 1887. – 385 с.
6. Орешкова С. Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. / С. Ф. Орешкова. – М. : Наука, 1987. – 208 с.
7. Ким Г. Ф. Государство в традиционных обществах Востока: некоторые дискуссионные проблемы / Г. Ф. Ким, К. З. Ашрафян // Государство в докапиталистических обществах Азии. – М. : Наука, 1987. – С. 9–10.
8. Никольский П. А. От Крымского ханства до наших дней / П. А. Никольский. – Симферополь, 1929. – 126 с.
9. Тунманн И. Э. Крымское ханство / И. Э. Тунманн. – Симферополь : Таврия, 1991. – 87 с.
10. Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар / В. Е. Возгрин. – М. : Мысль, 1992. – 446 с.
11. Хартахай Ф. Исторические судьбы крымских татар / Ф. Хартахай // Вестник Европы. – 1867. – № 2. – С. 160–161.
12. Лашков Ф. Ф. Несколько слов об исторической судьбе Крыма / Ф. Ф. Лашков. – Симферополь, 1881.
13. Сыроечковский В. Е. Мухаммед-Гирей и его вассалы / В. Е. Сыроечковский // Ученые записки МГУ. – 1960. – Вып. 61. – С. 18–21.
14. Бахрушин С. В. Основные моменты истории Крымского ханства / С. В. Бахрушин // История в школе. – 1936. – № 3. – С. 84–85.
15. Колли Л. П. Хаджи-Гирей и его политика. Взгляд на политические сношения Кафы с татарами в XV веке / Л. П. Колли // ИТУАК. – 1913. – № 50. – С. 120–121.
16. Санин О. Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и её влияние на русско-крымские отношения / О. Г. Санин // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 1993. – Вып. 3. – С. 25–28.
17. Вишневский В. А. Феодализм в Крымском ханстве / В. А. Вишневский. – М. : Наука, 1930. – 286 с.
18. Эминов Р. Крымское ханство; проблемы изучения и опыт Российского востоковедения XIX – начала XX вв. / Р. Эминов // Qasevet. – 2009. – № 35. – С. 48–59.
19. Очерки истории и культуры крымских татар / под ред. Э. Чубарова. – Симферополь : Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2005. – 208 с.